

*И. Г. Умнова,
кандидат искусствоведения,
Кемеровский государственный
университет культуры и искусств (Россия)*

ТЕМА ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И ТЕМА ДЕЯТЕЛЬНОГО ДОБРА В ПОЭТИКЕ КОМПОЗИТОРА СЕРГЕЯ СЛОНИМСКОГО

Сергей Слонимский – знаковая фигура современности, отличающаяся универсальностью художественного сознания и привлекающая пристальное внимание многогранной деятельностью. Смелые стилевые эксперименты, оригинальные трактовки средств выразительности прошлых художественных эпох необходимы музыканту для воплощения универсальных, так называемых вечных тем искусства. В каждом из его произведений обнаруживается неременная взаимосвязь их высочайшего художественного уровня с обязательным тяготением к глобальным смысловым обобщениям, близким философским. Так, в вокальном цикле «Песни вольницы», балете «Икар», Первой и Второй симфониях, программной симфонии «Аполлон и Марсий» ставится проблема взаимоотношений человеческих личностей, их индивидуальных качеств и социума, что перерастает в макроконцепцию «изменчивой неизменности» человеческой души в потоке бытия. Тайна живой национальной души рельефно очерчена в «Четырех русских песнях» на народные слова, в хоровом концерте «Тихий Дон» и «Десяти стихотворениях Анны Ахматовой», мистерии «Видения Иоанна Грозного». Философские размышления о самосовершенствовании и самопожертвовании как способах обретения человеком подлинного смысла жизни, духовного бессмертия слышны в опере «Мастер и Маргарита», Четвертой симфонии, в «Монодии по прочтении Еврипида» для скрипки соло, в ораториальной опере «Антигона», в «Лирической» Двадцать седьмой симфонии. Уточним личную художественную позицию композитора: «Для меня суть музыки заключается в том, что в ней... выходит на поверхность душа человека. Если человек не чувствует в себе душу и не верит, что она есть у него и у других людей, то это уже не человек» [2, с. 1].

Проблемы добра и зла, жизни и смерти, этических оснований существования человека, а также тема ответственности личности, ее позиция по отношению к окружающим явлениям важны и для

музыкально-литературных сочинений Слонимского. Имеются в виду эссе «Бурлески, элегии, дифирамбы в презренной прозе», книга очерков «Свободный диссонанс», статьи «Музыкант с чистой совестью», «О благородстве человеческого духа», «Передать людям все лучшее», мн. др. Поэтому в операх и симфониях, камерных опусах и хоровых фресках, критических и публицистических статьях, книгах и эссе заглавной становится тема изломанных тиранией, самодурством жестоких правителей судеб многих людей – вымышленных героев, а порой и подлинных исторических персонажей. Композитор словно пробуждает в сознании современников интерес к неразрешимым противоречиям абсолютного и условного, невозможного и необходимого.

Органичность синтеза исторически устоявшегося и нового, несущего в себе авторски субъективное содержание, позволяет Слонимскому естественно войти в континуум вечных тем искусства. Композитор всегда находит собственный ракурс в разработке тем добра и зла, жизни и смерти, морали и безнравственности, который обозначим как «трагизм человеческого бытия». На страницах эссе «Бурлески, элегии, дифирамбы...» в небольшом разделе «Смерть» композитор свидетельствует: «...никогда не покидал меня грозный призрак смерти, небытия. Я проклинал его, когда уходили навеки хорошие люди. Узнавал в стихах Блока и Есенина, в повести “Перед восходом солнца” Зощенко, в романах и драмах, а главное, в себе самом. <...> Кульминации почти всех моих крупных сочинений – катастрофы, а коды – умирание, тихое отпевание, исчезающая память и лишь изредка таинственный свет вечной жизни человеческого духа?» [3, с. 36].

Тема трагичности человеческого бытия получает воплощение в Реквиеме Слонимского, появление которого композитор объяснил так: «Реквием <...> это покаяние, мольба о прощении, это мысль о смерти, которой человек не должен бояться. <...> Реквием пишется один раз в жизни» [5, с. 1]. Есть уточнение композитора: «Мой Реквием писался не обо мне. В нем не страх смерти, а думы о невинно убиенных детях и взрослых, число которых последнее время умножается чуть ли не каждый день. Эти жертвы вызывают мысли об их праведности, достойной вечного света. Одновременно каждый человек греховен, и ему нужно покаяние» [4, с. 5]. Напомним, что образы убиенных и невинных детей получили свое воплощение еще в опере «Видения Иоанна Грозного». Так, в последнем, Четырнадцатом, видении по замыслу композитора люди

разных сословий и возрастов, погибшие от рук царя и его опричников, произнося свое имя, выходят в белых саванах со свечами в руках вперед, вопрошая: «За что погубил ты нас, русский люд?» [1, с. 77–78].

В несколько ином ракурсе тема жизни и смерти присутствует и в литературных текстах Слонимского. В эссе «Бурлески, элегии, дифирамбы...» композитор пишет: «На моем пути встретились незаурядные люди, чья известность должна быть большей, а память о них доброй и благородной. К тому же каждый человек – и я в том числе – чем-то отличается от других, и мне близка мысль Лермонтова: история каждой души человеческой по-своему не менее увлекательна, чем история целого народа» [3, с. 18]. Небытию можно противостоять духовно – воспоминаниями, уверен композитор. «Жизнью жизнь продолжить» или «Жизнями живущих продолжить ушедшую жизнь, а собственной жизнью продолжить ушедшие жизни» – этот духовный девиз Слонимского является импульсом, который дает рождение его новым музыкальным и новым литературным произведениям [3, с. 127]. В нотных и вербальных текстах запечатлены личности выдающихся музыкантов, таковы Сюита для альты и фортепиано, посвященная Ю. Крамарову, «Элегия памяти Сибелиуса» для фортепиано, опубликованные «Неканонические строки» о Д. Шостаковиче и статья о М. Мусоргском «Творец правды». Своеобразные двойные приношения-воспоминания об ушедших из жизни талантливых творцах, выражение почитания самобытным мастерам присутствует в кантате «Один день жизни», имеющей посвящение «А. Шнитке, институту и колледжу его имени», а также в опубликованной к 65-летию композитора статье «О моем друге и современнике». Памяти отца М. Л. Слонимского музыкант посвящает балет «Икар», оперу «Гамлет», страницы в книге «Бурлески, элегии, дифирамбы...». Обязанностями и долгом каждого Слонимский считает необходимость «вызволить из небытия тех... кто этого достоин» [3, с. 147]. Ценность и значимость деятельности творческой личности, неотделима, по мнению Слонимского, от совести: «Осью должна быть совесть человека. Если у человека есть совесть, то он и в творчестве будет совестливым» [7, с. 120].

Совестливый человек должен помогать добру, а не злу и не быть противленцем злу, а быть непротивленцем добру. В нерадостное время образная сфера деятельного добра почти исчезла из содержания произведений искусства. Возможно, эти мысли

композитора в какой-то мере связаны с идеями М. Зощенко, его образной сферой деятельного добра, получившей воплощение в книге «Перед восходом солнца». Генеральной линией повести, которая первоначально называлась «Ключи счастья», стала программа жизнестроительства. По убеждению писателя, обновление личности должно было привести к обновлению мира или приятию уже обновленного мира. В новом столетии они не стали менее актуальными, поскольку творчество, добрые дела, повседневное проявление деятельной энергии, незлобивое отношение к окружающим позволяют преодолевать кризисные и тупиковые ситуации.

Представляется, что тема деятельного добра в поэтике Слонимского получает свое воплощение на протяжении многих десятилетий. Оптимистичность, скерцозность, энергичность, подчеркнутые мажорным колоритом и усиленные бытовыми жанрами, присущи «Карнавальной увертюре» и «Юмористическим картинкам», Концерту-буфф и «Веселым песням», «Новгородской пляске» и «Павловскому вальсу-галопу», «Корейской сюите» и «Триумфальному маршу». Таким произведением является и Квintет для фортепиано, двух скрипок, альты и виолончели, сочиненный в новом столетии. Музыкальный язык квинтета объединяет звуковые структуры, в которых органично сочетаются серийная техника с барочной, пентатоника с античной, средневековая модальность с ограниченной алеаторикой. Структурный замысел основывается на контрастном противопоставлении разноплановой лирики (вторая и четвертая медленные части) и танцевальной скерцозности. Интонационно они были предвосхищены лирико-повествовательной музыкой первой части. Смысловой доминантой становится движение от напряженно драматичных двух первых частей (Соната и Фуга) к лукаво улыбающейся образности «Китайского скерцо», а торжественно просветленной и горделивой заключительной пятой части (Танец) предшествует внутренняя сосредоточенность четвертой (Пассакалья). Музыка Квintета воплощает идею духовного возрождения, в произведении словно звучит лирико-философская исповедь мудрого Маэстро, взгляд которого в будущее юношески задорен. Тема Квintета созвучна заключительным строкам эссе Слонимского о композиторском ремесле: «Будем строже к себе. Постараемся учиться всю жизнь» [6, с. 23].

1. *Вольные мысли* : к юбилею С. Слонимского / ред.-сост. Т. Зайцева, Р.

Слонимская. – СПб. : Композитор, 2003. – 616 с.

2. *Зайцева, Т. А.* Слонимский и Петербург / Т. А. Зайцева // Музыкальная академия. – 2002. – № 3. – С. 1–6.

3. *Слонимский, С. М.* Бурлески, элегии, дифирамбы в презренной прозе / С. М. Слонимский. – СПб. : Композитор, 2000. – 145 с.

4. *Слонимский, С. М.* Музыка и антимузыка / С. М. Слонимский // Российская газета. – 2004. – 1 нояб. – С. 5.

5. *Слонимский, С. М.* Музыка – это язык души / С. М. Слонимский // СПб ведомости. – 2004. – 30 окт. – С. 1–2.

6. *Слонимский, С. М.* Мысли о композиторском ремесле / С. М. Слонимская. – СПб. : Композитор, 2006. – 24 с.

7. *Умнова, И. Г.* О музыке и слове Сергея Слонимского в юбилейный год Мастера / И. Г. Умнова // Искусство и искусствоведение : теория и опыт. Слово в системе искусств : сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово : КемГУКИ, 2008. – Вып.6. – С. 109–124.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ